

Н. В. Перцов

О словоизменительном статусе и особенностях словоизменения возвратных страдательных форм русского глагола

Настоящая работа примыкает к статье [Перцов 2003]. Обе работы представляют собой части единого исследования.

1. Статус возвратных страдательных форм с точки зрения противопоставления словоизменения и словообразования

Возвратные страдательные формы (ВСФ) русского глагола относятся к той области языка, которую можно назвать, пользуясь выражением А. А. Зализняка, «областью сгущения сложности». С этим связан и спорный статус этих форм с точки зрения противопоставления словоизменения и словообразования. Подобно случаю видовых пар (считать их членами формам одного слова или разными словами?), по поводу каждого из противоположных решений имеются свои *pro* и *contra*. Поэтому в этом вопросе нет единства мнений.

Обычно статус ВСФ с точки зрения противопоставления словоизменения и словообразования только декларируется без какой-либо аргументации: в последней академической грамматике [РГ 1980: 456, §1115; 616, §1463] принята словообразовательная трактовка ВСФ, а о категории залога говорится, что она носит «смешанный характер»: страдательные причастия на *-м*, *-н*, *-т* принадлежат к словоизменению, а возвратные страдательные формы – к словообразованию; словообразовательная трактовка ВСФ поддерживается также в [РЯЭ 1997: 134]; словоизменительная трактовка проведена в [Исаченко 1960: 374–375; Буланин 1976: 130; Зализняк 1977: 6–7; Веренк 1985: 291; Молошная 2001: 75–76]. Подробную и развернутую аргументацию мы находим в книге [Янко-Триницкая 1962] (сокращенно [ЯТ]), решительно отстаивающей словообразовательную трактовку ВСФ [ЯТ: 12–24].

Обосновывается это тем, что ВСФ не обладают теми свойствами, которые в [ЯТ] сочтены для словоизменения строго обязательными. К числу таких свойств отнесены следующие (их обозначения посредством литеры «Я» с номерами привнесены мною – *Н.П.*): Я1 – регулярность; Я2 – невыводимость одной формы из другой (по поводу словоизменительных форм в большинстве случаев нельзя сказать, что одна из них выводится по форме или значению из другой; разные словоизменительные формы, как правило, в отношении выводимости равноправны, в словообразовании же дериват обычно выводится из мотивирующего слова и в формальном, и в содержательном аспекте); Я3 – тождество всей суммы лексических значений у всех словоизменительных форм одной категории (в силу нарушения этого свойства из словоизменения в [ЯТ] выведено даже мн. число существительных); Я4 – выполнение формами словоизменения различных синтаксических функций в предложении. Дополнительными аргументами в пользу словообразовательного статуса ВСФ в [ЯТ] являются следующие два: Я5 – формальное тождество показателя ВСФ – постфикса *-ся/-сь* – с показателем явно словообразовательных значений, выражаемых нестрадательными возвратными формами

глагола, каковое тождество не характерно для словоизменения в русском языке; Я6 – дублирование в ВСФ всей системы словоизменения у соотносительных невозвратных форм.

Построение Н.А. Янко-Триницкой – при всей его основательности – страдает общим недостатком всех односторонних подходов к определению статуса языковых единиц: учитывается только часть релевантных свойств, причем лишь те из них, которые благоприятствуют только одной из альтернативных трактовок. Между тем градуальный характер языковых единиц склоняет к использованию гибких многофакторных шкал.

В работах [Перцов 1996, 2001] был выдвинут принцип многофакторности при установлении словоизменительно-словообразовательного статуса языковой единицы: единицу следует испытывать относительно определенной совокупности предварительно выделенных эвристических критериев противопоставления словоизменения и словообразования (сокращенно – ЭКПСС) и решать вопрос о ее статусе в соответствии с суммарным удельным весом каждого из двух полюсов шкалы. Был предложен перечень ЭКПСС (идентифицируемых посредством литеры «К» с номерами), по которому в [Перцов 2001: 132–138] были тестированы русские видовые суффиксальные пары, что выявило в отношении вида количественное преимущество словоизменения, но оказалось недостаточным для категорического вывода о словоизменительном статусе вида в силу словообразовательной весомости у одних критериев и неясности применения у других. Промежуточный характер вида оказался непоколебленным. Что же касается ВСФ, для них аналогичное тестирование дает более явное преимущество словоизменения, что будет продемонстрировано ниже.

Свойство регулярности Я1 соответствует в наборе ЭКПСС критерию продуктивности К6, а свойство выполнения разных синтаксических функций (Я4) – критерию связи с синтаксисом К8 (см. ниже). В моем наборе, к сожалению, отсутствуют критерии, соответствующие свойствам Я2, Я3 и Я5 из приведенного выше перечня свойств в [ЯТ], – свойствам невыводимости, тождества суммы лексических значений и формального тождества показателей. Что же касается Я6, мне представляется, что его использование при установлении словоизменительно-словообразовательного статуса единицы вообще неправомерно: непонятно, почему нужно требовать, чтобы совокупность форм слова не распадалась на две коррелятивные подпарадигмы (или даже большее их число).

Далее возвратная страдательность в русском языке будет подвергнута тестированию по критериям из основного перечня ЭКПСС в [Перцов 2001: 94–103] – так, как это было сделано для вида; при этом ниже будут учтены три упомянутых свойства из [ЯТ] – Я2, Я3 и Я5, – которые будут даны также в виде бинарных критериальных оппозиций. Всего используется 17 критериев. Критерий идентифицируется литерой «К» или «Я» с номером; после идентификатора дается пара значений соответствующего признака, разделяемых косой чертой (в некоторых случаях этой паре предшествует общее название признака). Значение признака, данное первым, благоприятствует словоизменительной трактовке ВСФ, а значение, данное вторым, – их словообразовательной трактовке. После этого через тире указывается одно из четырех: С/И – критерий отдает преимущество словоизменению для ВСФ; С/О – критерий отдает преимущество словообразованию для ВСФ; ?(С/О) – критерий отдает малое преимущество словообразованию; ? – критерий нерелевантен или вопрос о результате его применения неясен.

К1. Категориальность: склонность к вхождению / к невхождению в состав категории противопоставленных единиц – ?

К2. Коррелятивность: наличие (почти) у всех единиц коррелятов / наличие большого числа единиц без коррелятов – ?

К3. Обязательность: склонность к вхождению / к невхождению в состав обязательной категории – ?

Все три первых критерия порождают неясность в отношении ВСФ – вследствие неясности по первому критерию К1. Страдательность в сфере возвратных форм тесно переплетена с их другими значениями, не всегда четко отделена от них; вопрос о ее категориальном статусе остается неясным. Критерии К2 и К3 применяются к категориальным единицам, т. е. обладающим первым значением по критерию К1. Поскольку К1 дает неясность, таковыми оказываются и следующие два критерия.

К4. Композиционность (семантическая аддитивность, «прозрачность») значения / отсутствие композиционности – ?

Здесь можно было бы отдать некоторое преимущество словоизменению – посредством пометы ?(С/И), – принимая во внимание то обстоятельство, что самое значение страдательности может быть задано достаточно четко (возможная формулировка этого значения – ‘постановка второго семантического актанта на место синтаксического субъекта’ – дана в [Перцов 2003: разд. 2.2]). Однако в силу запутанности вопроса об отделении страдательности от прочих возвратных значений автор предпочитает и в данном случае уклониться от оценки действия критерия относительно ВСФ.

К5. Абстрактность / конкретность – С/И

Страдательность обладает весьма высокой степенью абстрактности.

К6. Продуктивность: склонность к свободному / к избирательному присоединению к знакам некоторого класса – ?(С/О)

Этому критерию, как сказано было выше, среди свойств, указанных в [ЯТ] в качестве необходимых для словоизменения, соответствует свойство регулярности Я1, которое для ВСФ не выполняется. Всё же автор не решается отдать здесь безоговорочное преимущество словообразованию. Страдательность релевантна только для переходных глагольных лексем, у большинства из которых есть возвратные формы со страдательным значением¹. Исключения имеются, причем отнюдь не в малом числе; такие исключения непредсказуемы; кроме того, в пределах одной переходной глагольной вокабулы у одной

---

¹ Ср. у В.В. Виноградова [1947: 649]: «<...> возвратно-страдательное значение потенциально заложено в каждой возвратной форме, восходящей к переходным глаголам, кроме глаголов с обще-возвратным и – иногда также – с возвратно-взаимным значением (ср. *радоваться, беспокоиться, драться, ссориться* и т.п.)».

лексемы могут быть ВСФ, а у другой нет (о лексических и синтаксических запретах в пассивной конструкции см. [Апресян 2002: 14, 22–26]).

К7. Объем сочетаемости: склонность к относительно широкой / к относительно ограниченной сочетаемости – С/И

Чисто количественный объем класса единиц, к которым присоединяется страдательное значение, весьма велик – это большинство переходных глаголов; поэтому здесь победа словоизменения безоговорочна.

К8. Большая / меньшая связь с синтаксисом – С/И

Страдательность по своей природе синтаксична: это мена синтаксических позиций актантов. Отмечу, что синтаксическое свойство Я4, соответствующее данному критерию («<...> формы словоизменения <...> служат для выражения различных отношений между словами в речи, иными словами, выполняют различные синтаксические функции в предложении» [ЯТ: 17]) благоприятствует именно словоизменительной, а не словообразовательной трактовке ВСФ, ибо синтаксические функции соотносительных невозвратных форм и ВСФ как раз «служат для выражения различных отношений между словами в речи».

К9. Склонность к сохранению / к изменению части речи исходного знака – С/И

Соотносительные невозвратные и возвратные формы принадлежат к одной и той же части речи.

К10. Меньшая / большая склонность к совмещению с лексическим значением – С/И

Страдательность кумулятивно с лексическим значением – без участия морфов *-ся/-сь* – не выражается никогда. (Здесь, конечно, исключаются лексические конверсивы – типа *следовать ~ предшествовать*.)

К11. Меньшая / большая склонность к фразеологизации – ?

С одной стороны, о фразеологизации в сфере страдательности в собственном смысле говорить, кажется, не приходится; с другой стороны, запутанность картины соотношения разных значений возвратных глаголов препятствует какому-либо однозначному решению по данному критерию.

К12. Большая / меньшая стандартность выражения – С/И

Здесь победа словоизменения очевидна: возвратность, а стало быть и возвратная страдательность, выражается морфами *-ся/-сь*.

К13. Более / менее отдаленное расположение показателей данного значения относительно корня – С/И

Показатель возвратности удален от корня еще более, чем лично-числовые окончания – несомненные словоизменительные показатели; поэтому и здесь преимущество получает словоизменение.

К14. Невозможность / возможность повторного вхождения значения в состав означаемого словоформы – С/И

Страдательность фигурирует в суммарном означаемом словоформы ровно один раз (повторное вхождение страдательности – например, за счет соположения двух вхождений аффикса *-ся* с результатом **-сяся* – означало бы возвращение к значению исходной формы). Это предопределяет победу словоизменения по критерию К14.

Я2. Невыводимость / выводимость одной формы из другой – С/О

Возвратная страдательная форма выводится из соотносительной невозвратной и в плане выражения (внешне отличаясь от соотносительной невозвратной на морф *-ся* или *-сь*), и в плане содержания (меняя расположение синтаксических актантов относительно глагола строго определенным образом).

Я3. Тождество / нетождество всей совокупности лексических значений у соотносительных форм – С/О

В пределах вокабулы совокупности лексических значений соотносительных невозвратной и возвратной форм часто разнятся: одни лексемы невозвратной вокабулы могут иметь соотносительные ВСФ, а другие нет. См., например, [ЯТ: 23], где иллюстрируются подобные несоответствия; например, вокабула КОПТИТЬ имеет переходные и непереходные лексемы, а ВСФ *коптится* соотносится только с переходными.

Я5. Отсутствие / наличие формального тождества показателя тестируемого значения и некоторого явного словообразовательного показателя – С/О

Все возвратные глаголы образуются одинаково стандартным образом, причем в отношении всех значений возвратных глаголов, кроме страдательного, их словообразовательная природа сомнению не подвергается. Подобное единство формальных средств и обеспечивает победу словообразования по данному критерию.

Теперь можно подвести итоги тестирования по 17-ти перечисленным критериям:

С/И – преимущество словоизменения	8
С/О – преимущество словообразования	3
?(С/О) – малое преимущество словообразования	1
? – неясность	5

Мы видим, что численное преимущество словоизменительной трактовки ВСФ довольно значительно: из 12 релевантных критериев две трети ориентированы в пользу словоизменения. Правда, словообразованию благоприятствуют свойства ВСФ, отвечающие довольно «весомым» критериям: нерегулярность; выводимость из невозвратных форм; расхождение во многих случаях суммы лексических значений у ВСФ и у исходных невозвратных вокабул; совпадение формальных показателей у ВСФ и у возвратных глаголов с другими значениями. Тем не менее словоизменительная трактовка получает дополнительную поддержку со стороны общей системы форм русского глагола. А именно – в ее пользу имеются системные соображения, связанные с сопоставлением невозвратных страдательных причастий (*читаемый, читанный*) с другими причастиями (*читающий, читающийся, читавший, читавшийся*), а также с не причастными формами глагола. Эти соображения имеют реальный вес только при признании причастий формами глагола, а не отдельными лексемами, т. е. при отнесении причастий к сфере словоизменения, а не словообразования, что принимается отнюдь не безоговорочно в русистике. Поэтому сначала я продемонстрирую отрицательные стороны словообразовательной трактовки причастий, а тем самым – целесообразность их словоизменительной трактовки.

При словообразовательной трактовке причастий у глагольной лексемы окажется несколько причастных производных лексем – до четырех, если любые видовые корреляты относить к разным лексемам; до пяти, если префиксальные видовые корреляты (*прочитать ~ читать*) относить к разным лексемам, а суффиксальные (*украшить ~ украшать*) – к одной; до шести, если любые видовые корреляты относить к одной лексеме; см. материал, где возвратные причастия заключены в скобки:

ЧИТАТЬ : ЧИТАЮЩИЙ ~ ЧИТАВШИЙ ~ ЧИТАЕМЫЙ (ЧИТАЮЩИЙСЯ) ~ ЧИТАННЫЙ (ЧИТАВШИЙСЯ)

ПРОЧИТАТЬ : ПРОЧИТАВШИЙ ~ ПРОЧИТАННЫЙ (ПРОЧИТАВШИЙСЯ)

УКРАШАТЬ : УКРАШАЮЩИЙ ~ УКРАШАВШИЙ ~ УКРАШАЕМЫЙ (УКРАШАВШИЙСЯ)

УКРАСИТЬ : УКРАСИВШИЙ ~ УКРАШЕННЫЙ (УКРАСИВШИЙСЯ)

При учете и возвратных причастий соответствующая тройка чисел окажется такой: шесть, семь и девять. Из этого видно неприятное последствие словообразовательной трактовки причастий, порождающей изрядное число производных отглагольных лексем. Можно, правда, попытаться его хотя бы отчасти преодолеть, собирая некоторые причастные формы в единую отглагольную лексему и привлекая для их квалификации по меньшей мере грамматическую категорию времени – чтобы различить, скажем, такие формы, как *читающий* и *читавший*, в составе гипотетической причастной лексемы ЧИТАЮЩИЙ. Но тогда по поводу такой производной лексемы возникает естественный вопрос о средствах выражения соответствующего словообразовательного значения: суффиксы **-ЮЩ** и **-ВШ** для этого не подходят, ибо не являются алломорфами – они имеют разное означаемое. Если искусственно разбить их означаемые на компоненты словообразовательный (с дериватемой ‘причастность’) и словоизменительный (для **-ЮЩ** – ‘наст. время’, для **-ВШ** – ‘прош. время’), тогда это будет единственный случай в русском

языке кумуляции в одном грамматическом знаке словоизменительных и словообразовательных значений. Автор этих строк не видит выхода из указанных сложностей грамматического описания при принятии словообразовательной трактовки причастий. Правда, у словоизменительной трактовки причастий тоже находят «теневую сторону» – переход формы слова в другую часть речи, что скорее характерно для словообразования (см. критерий К9 выше). Мне не представляется этот контр-аргумент весомым: лексема может, принадлежа к одной части речи, иметь манифестации в других – в рамках так называемой «категории репрезентации», предложенной А.И. Смирницким [1959: 245 сл.] (ей посвящена отдельная глава в [Молошная 2001: 77–89]).

Теперь обратимся к обещанным выше системным соображениям. Возьмем словоформу *раскуплена* – страд. причастие прош. времени сов. вида, являющееся формой глагола, – и рассмотрим соотношение между предложениями:

Публика раскупит <раскупила> книгу ~ Книга будет <была> раскуплена публикой ~ Книга раскупится <раскупилась> публикой

Эти предложения (квази)синонимичны; во втором и третьем предложениях (квази)синонимичные глагольные формы обе имеют страдательное значение, а семантические актанты занимают одни и те же синтаксические позиции. Если относить ВСФ к словообразованию, тогда получается, что страдательность, закрепленная за глагольной формой и состоящая в изменении синтаксических позиций актантов, в одном случае (*будет <была> раскуплена*) выполняется формой одной лексемы, а в другом (*раскупится <раскупилась>*) – формой другой, производной, лексемы, причем в первом случае страдательность окажется словоизменительным значением, а во втором – внутренней принадлежностью лексемы (вроде рода для существительного). Аналогичное расхождение обнаруживается у причастий в атрибутивной функции: *быстро раскупаемая книга ~ быстро раскупающаяся книга, быстро раскупленная книга ~ быстро раскупившаяся книга*; в этих парах словосочетаний – при словообразовательной трактовке ВСФ – причастия оказываются формами разных глагольных лексем, причем страдательность для форм в первых словосочетаниях пар является словоизменительным значением, а для вторых – внутренней принадлежностью лексемы.

Рассмотрим случай редких глаголов несовершенного вида, имеющих невозвратное страдательное причастие прошедшего времени, типа ЧИТАТЬ с причастием *читанный*. Можно составить семантическую пропорцию между тройками форм:

читающий : читанный : читавшийся = раскупивший : раскупленный : раскупившийся

Представляется, что решение о принадлежности к одной или к разным лексемам – а, стало быть, к словоизменению или к словообразованию – для словоформ первой и второй тройки должно быть одним и тем же. (Квази)синонимия форм *читанный* и *читавшийся* противится отнесению их к разным лексемам.

Количественная победа словоизменения по критериям и изложенные системные соображения перевешивают чашу весов в сторону словоизменительной трактовки ВСФ. Поэтому мне представляется, что страдательность в сфере возвратных форм следует более уверенно числить по ведомству словоизменения, чем категорию вида (промежуточный

характер которой с точки зрения противопоставления словоизменения и словообразования, как было сказано выше, подтвержден тестированием по ЭКПСС).

2. Вопрос об ограниченности словоизменения у возвратных страдательных форм

Нередко в лингвистической литературе говорится об ограниченности формообразования для русских возвратных страдательных глаголов. Содержательная сводка типов таких ограничений дана в [ЯТ: 139–148], и автор настоящей работы следует далее этой сводке. Н.А. Янко-Треницкая оспаривает мнение об отсутствии в русском языке форм возвратного перфективного пассива (*Тираж раскупится посетителями выставки*), иллюстрируя такие формы большим количеством примеров; в работе [Перцов 2003] автор присоединяется к точке зрения Янко-Треницкой, добавляя к ее материалу собственные примеры и наблюдения.

Ниже мы будем рассматривать ВСФ и совершенного, и несовершенного вида. Н.А. Янко-Треницкая указывает следующие формы, признанные в некоторых работах несуществующими для ВСФ: 1) повелительное наклонение, 2) «лица речи» – 1-е и 2-е лицо презенса, 3) инфинитив, 4) деепричастие. В сфере возвратной страдательности крайне редко отвергается инфинитив (Янко-Треницкая упоминает в данной связи А.А. Шахматова и [ГРЯ 1953: 506]); чаще отвергаются (но тоже редко) – «лица речи» ([Виноградов 1947: 639; Исаченко 1960: 361; Зализняк 1977]); еще чаще – деепричастие; наконец, факты признания статуса возвратного страдательного императива мне неизвестны. Сама Янко-Треницкая категорически отвергает только возвратный страдательный императив, а для остальных форм приводит убедительные аргументы и примеры в пользу признания их ограниченного существования в русской грамматике. Автор этих строк готов пойти еще дальше и, руководствуясь определенными методологическими принципами морфологического описания, признать морфологическое существование для всех указанных «сомнительных» форм (включая императив) у возвратных страдательных глаголов².

Принципы, о которых идет речь, суть следующие: принцип разграничения грамматических и семантических факторов (принцип РГС) и принцип шкалирования.

Принцип РГС: в морфологическом описании при оценке предполагаемой невозможности некоторой формы или затруднительности ее образования необходимо различать собственно морфологические и семантические факторы.

Принцип шкалирования: в морфологическом описании следует различать степени (или типы) морфологического существования, выделяя по меньшей мере три степени на шкале существования: нормальные, полноценные формы – формы затрудненные, редкие, маргинальные или потенциальные – формы неправильные, недопустимые или возможные лишь в игровых целях.

Принцип РГС был практически проведен в теоретическом предисловии к словарю [Зализняк 1977] (сокращенно [ГС]) по отношению к некоторым ранее отвергаемым формам в русском языке (*нейтралитеты, оловянен, соснов* и др.), но не был

² «Лица речи» и деепричастие для ВСФ не отвергаются безоговорочно всеми; в частности, их ограниченные права признаны в [РЯЭ 1997: 134] (словарная статья *Залог*, автор И.С. Улуханов).

сформулирован в этом предисловии явным образом. Принцип шкалирования, как мне кажется, тоже может быть возведен к [ГС], в котором используется набор грамматических помет, отражающих предположительность или затруднительность образования определенных форм (предположительность образования мн. ч. от *борьба*, *мусор*, кратк. формы муж. рода от *весенний*, *клюквенный*; затруднительность кратк. форм типа *геройска*, *делова*, компаратива от *гулкий*, страдат. причастия прош. времени от глаголов *навыдумывать*, *увязить*, *толкнуть* и др.).

* * *

Теперь обратимся к анализу четырех типов форм, указанных в начале данного раздела.

Обосновать морфологическое существование ВСФ для «лиц речи» и инфинитива (случаи 2 и 3) труда не составляет: для этого достаточно обратиться к богатым иллюстрациям в книге [ЯТ], в которой приведено 19 бесспорных примеров для первых двух лиц презенса (с. 143–145) и 21 пример для инфинитива, из которых 15 представляются бесспорными (с. 45–147); процитируем некоторые из них:

Когда я пришлю вам контракт подлинный – предложите Вы этой фирме издать полное собрание моих сочинений. Я здесь очень читаюсь – "Фома" на-днях вышел 17-м изданием (А. М. Горький).

На работу? – переспросила мать, не веря ушам своим, – не успеешь, что ли?

Спал бы, гудки будут – разбудишься (В. Родной).

Вы обвиняетесь в злом саботаже (К. Федин).

Новый двигатель отличается удобным воздушным охлаждением, плавным ходом, он может легко запускаться и работать в лютые морозы (из газет 1959 г.).

[Тарас] узнав о тех нападениях, которым подвергалась его жена, пожелал арестоваться, чтобы защищать ее, и с Нижнего ехал как арестант, вместе с заключенными (Л. Н. Толстой).

Его доход с земли уменьшился почти наполовину, но был с избытком достаточен для Нехлюдова, особенно с прибавлением суммы, которую он получил за проданный лес и которая должна была выручиться за продажу инвентаря (Л. Н. Толстой).

Теперь рассмотрим более трудные случаи, т. е. феномены соединения возвратной страдательности с грамматическим значением императива (случай 1) и деепричастия (случай 4). Возьмем конкретные потенциальные словоформы [?]*проглатывайся*, [?]*проглатывайтесь(-ка)* и [?]*проглатываясь*, [?]*проглатывавшись*. Возвратные финитные словоформы соответствующей глагольной лексемы – *проглатывается*, *проглатывался* и т. п. – интерпретируются однозначно как страдательные (для них нет омонимичных не-страдательных возвратных глаголов); так же должны интерпретироваться и наши потенциальные словоформы – в случае признания их грамматических «прав». Фактором сомнительности для подобных императивных форм является исключительно странность самого факта побуждения адресата к реализации некоторой ситуации, которая совершенно не обусловлена его волей. Собственно же морфологических препятствий для образования форм типа *проглатывайся* нет никаких. Н. А. Янко-Триницкая [ЯТ: 139–140] отмечает:

<...> значение страдательного глагола таково, что совместить его с грамматическим значением форм повелительного наклонения трудно, поскольку трудно себе представить обращенное к собеседнику побуждение совершить действие, которое не зависит от воли и желания собеседника, а является только отражением воздействия, получаемого извне. <...> нельзя отсутствие форм повелительного наклонения считать характерной особенностью только возвратных глаголов страдательного значения: глаголы невозвратные, а также сопоставимые возвратные, лексическое значение которых связано с пассивностью, также лишены форм повелительного наклонения, например, глаголы: *слыть, кишеть, изобиловать, нравиться, понадобится, годиться* и др.

Приведенная цитата ярко иллюстрирует проявление принципа РГС: императивы указанного типа подпадают под его ведение. Поэтому, с моей точки зрения, и формы типа *проглатывайся*, и формы типа *слыви, изобилуй, киши* и т. п. вполне допускают придание им статуса потенциального существования в русской морфологии – совершенно так же, как такой статус придан А.А. Зализняком в [ГС] – при неявной опоре на принцип РГС – формам существительных мн. числа типа *нейтралитеты*, формам относительных прилагательных типа *квартирен* или *квартирнее* и др., тем более что «оправдывающие» контексты для указанных императивов подбираются легче, чем для *квартирен* или *квартирнее*.

Отвергая страдательный перфективный императив, Янко-Триницкая всё же указывает – со ссылкой на книгу 1915 г. В. Чернышева (который в свою очередь ссылается на академика Грота) [ЯТ: 140 примеч. 53] – любопытный пример такой формы у Державина: *Благословись, Репнин, потомством*; она привлекает также данные фольклора – *Ловись, рыбка, и маленькая, и большая; Рубись, дерево, и кривое, и прямое* – и приводит строки из современного ей поэта Дубровина (1955 г.) с «внеимперативным» глаголом: *Предо мной мечта-невеста появляется опять... Я прошу ее: – Не надо, не мечтайся, отойди*. К этому материалу я могу добавить интересный пример непринужденного неожиданного императива от глагола СНИТЬСЯ (равно как и примеры форм 1-го лица от него) из «Мастера и Маргариты» Булгакова (глава 21 – «Полет»): *Мальчик поглядел лукаво куда-то в сторону и спросил: / – А ты где, тетя? / – А меня нету, – ответила Маргарита, – я тебе снюсь. / – Я так и думал, – сказал мальчик. / – Ты ложись, – приказала Маргарита, – подложи руку под щеку, а я тебе буду сниться. / – Ну, снись, снись, – согласился мальчик и тотчас улегся и руку подложил под щеку*.

Наконец, следует учитывать также употребления императива (или, если угодно, формы, омонимичной императиву, – см., впрочем, аргументацию в [Перцов 2001: 227–229] в пользу сохранения некоторых черт инварианта императива в таких случаях) в контексте условных придаточных предложений, каковой, как представляется, вовсе не противопоказан ВСФ и, в частности, формам возвратного перфективного пассива (даже в сопровождении агенса в твор. падеже): *Пишишь эта книга лет двадцать назад, многое в ней было бы по-другому; Напишишь эта книга лет двадцать назад, ее появление стало бы событием; Напишишь такая книга другим человеком, к ней не отнеслись бы столь отрицательно*³. Отвергая морфологическое существование императива для ВСФ, мы тем самым оставляем такие употребления за бортом языковой реальности.

---

³ На возможность таких употреблений страдательных перфективных форм мое внимание обратил М. И. Шапир, которому я обязан приведенными важными примерами со словоформами *пишишь* и *напишишь*.

Что касается возвратных страдательных деепричастий, «здесь нет противоречия между лексическим значением глагола и грамматическим значением формы», как справедливо указано в [ЯТ: 148]. Факторы затрудненности носят здесь неясный характер. Автор этих строк не помнит случаев употребления подобных форм в своей практике носителя языка (адресанта или адресата устного или письменного текста). Из шести фраз, приводимых в [ЯТ: 148] для иллюстрации их допустимости, мне представляется бесспорным лишь один пример:

Теперь наступали сумерки; даль начинала уже пропадать, заслоняясь густым, сизым мраком (Д. Григорович).

Однако, если сопоставить возможности «встраивания» в игровой, юмористический или «поэтический» контекст для окказиональных деепричастий такого рода, с одной стороны, и для кратких форм или форм компаратива у многих относительных прилагательных, с другой, то следует признать, что акции форм первого рода, во всяком случае, не ниже. Степени синтактико-стилистической странности, шероховатости – пусть даже дефектности – искусственных фраз с деепричастием *проглатываясь* (допустим, *Судорожно проглатываясь <проглатывавшись> на ходу, пища раздражает <раздражала> желудок*) и с краткой формой *квартирен* или компаративом *квартирнее* (допустим, *Оба этих вопроса носили явно квартирный характер, однако первый вопрос «квартирен» в большей степени, чем второй <первый вопрос «квартирнее» второго>*) не разнятся настолько, чтобы отвергать первые формы и признавать вторые. Обсуждаемые деепричастия потенциальны не в меньшей степени, нежели обсуждаемые прилагательные. Если вторые признаются в качестве потенциально существующих, тогда нет оснований отвергать первые в качестве таковых.

Следует обратить внимание на некоторую непоследовательность трактовки тех или иных странных или затрудненных форм в словаре [ГС]. С одной стороны, как говорилось выше, этот словарь допускает – с неявной опорой на принцип РГС – ряд нередко отвергаемых форм слов – типа *нейтралитеты, квартирен, интегрален, киши, слыви* и др.; с другой стороны, он отказывает в морфологическом существовании некоторым формам, степень странности или затрудненности которых представляется ничуть не большей, чем странность или затрудненность указанных форм. К числу таких отвергаемых форм относятся возвратные пассивные императивы и пассивные деепричастия (см. [ГС: 85, 87]), в защиту морфологических «прав» которых выступает автор этих строк.

Обращусь к еще одной цитате из [ЯТ: 148], в которой мне хотелось бы заменить предпоследнее слово «несколько» на «весьма»:

Рассмотрев возможность образования различных форм словоизменения от возвратных глаголов страдательного значения, можно сделать вывод, что отмечаемая в литературе ущербность системы словоизменения возвратных глаголов страдательного значения несколько преувеличена.

Предвижу следующее возражение: исходя из сформулированных методологических принципов, автор высказывает излишний «морфологический либерализм» по отношению к тем формам, которые во многих источниках признаны несуществующими (или почти несуществующими), а это некоторым образом «засоряет» русскую морфологию малоупотребительными, странными или причудливыми словоформами. Такое

«засорение» может быть нежелательным, скажем, в компьютерной лингвистике, в программах проверки правописания, которые (при соответствующем «либеральном» морфологическом обеспечении) будут пропускать (не будут помечать цветовым выделением) редкие или практические неупотребительные словоформы – например, *честностей*, *нейтралитеты* (вместо *нейтралитета* – литеры *а* и *ы* близки на клавиатуре), *квартирны* (вместо *квартирный* – не набрана последняя буква), *квартирнее* (вместо *квартирное* – *о* и *е* близки на клавиатуре), *изобилуй(те)*, *годи(те)сь*, *проглатывайся(-ка)*, *проглатывайтесь(-ка)*, *проглатываясь*, *проглатывавшись* и т. п. Этот весьма серьезный контр-аргумент не должен быть оставлен без внимания. Ответ на него вытекает из принципа шкалирования.

В соответствии с этим принципом потенциальные формы не приравниваются к нормальным, поскольку он предписывает разные виды морфологического – и вообще языкового – существования. Предлагается различать по меньшей мере три таких разновидности морфологических единиц: 1) нормальные полноценные; 2) потенциальные, не нарушающие определенных закономерностей системы языка; 3) отклоняющиеся от закономерностей такого рода. Единицы, перечисленные в предыдущем абзаце (с курсивным выделением), автор относит к разновидности 2, и туда же представляется разумным отнести все случаи, помеченные в словарных статьях [ГС] как «предположительные» или «затрудненные», – скажем, краткие «немужские» формы таких лексем, как ГОЛУБОЙ или СЕЛЬСКИЙ: *голуба*, *голубо*⁴, *голубы*, *сельска*, *сельско*, *сельски*. Для выделения единиц разновидности 2 их можно было бы помечать особым символом – например, надстрочным кружком ° (который иногда в лингвистической литературе используется для различных целей): °*честностей*, °*нейтралитеты*, °*квартирны*, °*проглатываясь* и т. п. К третьей разновидности автор отнес бы словоизменительные окказионализмы типа *центрее* (в смысле ‘более близко к центру’) и, скажем, большинство тех форм, которые в словарных статьях [ГС] поданы как несуществующие: например, кратк. формы муж. рода *голуб, *делов, *волев, *городск, компаратив от прилагательных на *-ский* типа *сельское (‘более сельский’) и т. п.

Автор допускает, что здесь возможно – для разных целей – более дробное членение языковых единиц, выделение подвидов внутри второй и третьей разновидности (однако слишком дробная классификация, как мне кажется, нежелательна). Существен сам принцип шкалы – различения степеней языковой правильности / неправильности, с ее полярными полюсами и промежуточными точками. Замечу, что именно этот важный и плодотворный принцип, отвечающий внутреннему свойству градуальности в языке, был принят в системе нормативных помет словаря [ОЭС 1983: 5-7], различающей разные степени орфоэпической приемлемости словоформ: «доп.» (допустимо), «доп. устар.» (допустимо устаревающее), «не рек.» (не рекомендуется), «не рек. устар.» (не рекомендуется устаревающее), «неправ.» (неправильно), «грубо неправ.» (грубо неправильно)⁵.

⁴ Ср. у Хлебникова: *Будет небо голубо, / А пока же нам бо-бо* (стихотворение «Море»).

⁵ «Все многообразие языковых фактов не укладывается в простое противопоставление норма – не норма. Сколько-нибудь адекватное отражение реального положения вещей невозможно без выделения некоторой шкалы нормативности» [ОЭС 1983: 5]. Добавлю, что равноправность соответствующих норме вариантов отмечается в этом словаре посредством постановки союза «и» между вариантами, а закрепленность варианта за некоторой сферой функционирования языка или профессиональной сферой –

Тогда становится ясным возражение на компьютерно-лингвистический контр-аргумент: в лингвистическое обеспечение программы корректировки орфографии мы можем заложить средства различения разных типов орфографических отклонений от нормы, а в саму программу – во-первых, средства разного цветового выделения для разных типов и, во-вторых, возможность отключать нежелательные для пользователя опции орфографической корректировки. Дело зависит от целей, вкусов, желаний и даже настроения пользователя: он может пожелать объединить потенциальные формы с реальными – тогда потенциальные формы (типа *квартирнее*) вообще не должны никак выделяться на экране; может пожелать трактовать их наравне с явными орфографическими ошибками – тогда они будут выделяться, причем одинаково с последними; все такие альтернативы можно внедрить в программу проверки орфографии.

3. Заключение

Основные выводы работы могут быть резюмированы следующим образом.

- Возвратные страдательные формы ведут себя неединообразно с точки зрения эвристических критериев противопоставления словоизменения и словообразования, однако количественный перевес словоизменительно ориентированных критериев и системные соображения о связи ВСФ и страдательных причастий на *-м* и *-н/-т* обеспечивают преимущество словоизменительной трактовки таких форм.
- В силу принципа разграничения грамматических и семантических факторов и принципа шкалирования следует признать допустимыми в качестве потенциальных те возвратные страдательные формы, которые нередко отвергаются, – формы императива и деепричастия. Формы же 1-го и 2-го лица презенса у таких глаголов должны быть признаны реальными.*

ПОСТСКРИПТУМ

На последней стадии подготовки настоящей работы мне хотелось бы высказаться в связи с только что появившейся в печати статьей акад. Ю. Д. Апресяна «Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике», опубликованной в сборнике «Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского» (Отв. ред. А. П. Володин. – М.: Знак, 2004. С. 20–35).

В ней на стр. 26–27 автор полемизирует с точкой зрения, положительно ориентированной по отношению к формам возвратного перфективного пассива (ВПП) – типа *Всё это забетонируется, Тираж раскупится публикой* и т. п., – т. е. признающей их маргинальное существование в языке и грамматике. Такая точка зрения отстаивается, в частности, в моей работе [Перцов 2003], где в ее пользу дается подробная аргументация.

многообразными пометами типа «в поэтич. речи возм.», «в профессион. речи», «у химиков», «у музыкантов» и т. п. Что ж, русисты-морфологи могут в данном случае позавидовать русистам-«орфоэпистам»!

* В ноябре 2002 г. по тематике работы в Институте языкознания РАН был прочитан доклад, слушателям которого автор благодарен за заинтересованное обсуждение и критику.

Ю. Д. Апресян, считая эту точку зрения «безусловно ошибочной», во-первых, подводит свидетельствующие в её пользу примеры форм ВПП под одну из трех рубрик – «нарушение современной нормы», «языковая игра» или «ошибка интерпретации»; во-вторых, говорит о преимущественном ограничении форм ВПП «глаголами со значением покрытия поверхности, заполнения объема и антонимичными им значениями». Надо сказать, примеры с глаголами последнего типа не относятся ни к одной из трех указанных рубрик, равно как и примеры в [Перцов 2003], не обсуждаемые Ю. Д. Апресяном, которые большинство респондентов проведенного мной опроса признали приемлемыми: *Мы хотим знать, раскупаются ли имеющиеся печатные экземпляры темы, у кого есть рукописи* (по поводу этой фразы 11 из 13-ти респондентов высказались в пользу ее полной корректности); *Мы передали подсчеты компьютерной программе – и смета составила за какие-нибудь четверть часа*. В моей работе даются – с частичной опорой на работы В. И. Гавриловой 1998 и 2001 гг. – и другие примеры такого рода (см. [Перцов 2003: 45–46]), и среди них нет ни одного с глаголом ‘(анти)покрытия’ / ‘(анти)заполнения’. Ю. Д. Апресян не касается также данных о колебании нормы в области ВПП, полученных в ходе упомянутого опроса: «<...> в данной области русской грамматики нет установившейся твердой нормы: мнения и суждения разных информантов по поводу фраз с ВПП иногда расходятся существенным образом» [Перцов 2003: 46]. Из этих данных следует, что при оценке той или иной фразы с ВПП рискованно опираться только на собственное языковое чутье, как это делает Ю. Д. Апресян. Скажем, цитируя – вслед за [ЯТ: 133] и [Перцов 2003: 67] – пример из письма Н. А. Островского [*Комедия*] *готова. К понедельнику переписывается, во вторник пошлетя, в среду будет у вас*, он без оговорок относит его к языковой игре (с. 27), что вовсе не очевидно. Для языкового чутья автора этих строк и нескольких информантов, к которым я обращался после знакомства со статьёй Ю. Д. Апресяна, языковой игры (и отклонения от нормы) здесь нет, а есть некоторая языковая непринужденность («игривость», как высказался один из моих респондентов), небрежность или разговорность.

Повторю вслед за [Перцов 2003]: ограниченность употребления форм ВПП и их принадлежность к непринужденно-разговорному стилю не должны восприниматься как категорические аргументы против их существования в языке и грамматике (скажем, теми же свойствами обладают формы вокатива *Вань, Саш, тётъ* и т. п., против существования и «правового» грамматического статуса которых никто не возражает).

Октябрь 2004 г.

Литература

- Апресян 2002 – Апресян Ю. Д. Взаимодействие лексики и грамматики: Лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1(3). С. 10–29.
- Буланин 1976 – Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М., 1976.
- Виноградов 1947 – Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.–Л., 1947.
- Зализняк 1977 (сокращенно [ГС]) – Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977. [Последнее 4-е издание, испр. и доп., – 2003.]

Исаченко 1960 – *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.

Молошная 2001 – *Молошная Т. Н.* Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.

ОЭС 1983 – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; под ред. Р.И. Аванесова. М., 1983.

Перцов 1996 – *Перцов Н. В.* Грамматическое и обязательное в языке // ВЯ, 1996, №4.- С. 39-61.

Перцов 2001 – *Перцов Н. В.* Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.

Перцов 2003 – *Перцов Н. В.* Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания, 2003, № 4, с. 43–71.

РГ 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

РЯЭ 1997 – Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

Смирницкий 1959 – *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1959.

Янко-Триницкая 1962 (сокращенно [ЯТ]) – *Янко-Триницкая Н. А.* Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.